

Психоанализ и наука

© Л.В. Мокшанцев

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена проблема связи психоанализа и науки. Доказано, что если воспользоваться критериями научности, предложенными в рамках позитивизма, то обнаружится, что к собственно науке можно отнести лишь современную физику и еще ряд дисциплин. И психоанализ, разумеется, оказывается мифом. А на основе размытых критериев наукой оказывается все что угодно, в том числе и психоанализ как особый способ конструирования реальности. Уже в ближайшем будущем объединение психоанализа, нейробиологии и когнитивной психологии даст удивительные результаты и расширит наши знания о психике человека.

Ключевые слова: психоанализ, наука, терапевтический успех, герменевтика, общение, процедурная память, нейробиология, когнитивная психология

В первой половине XX столетия психоанализ радикально изменил представления о психической жизни человека. Был предложен ряд новых концепций бессознательных психических процессов, психического детерминизма, детской сексуальности и, что важнее всего, иррациональности поведения человека. В противовес этому прорыву достижения психоанализа второй половины XX в. были менее впечатляющими. Хотя психоаналитическая теория развивалась и дальше, можно назвать лишь несколько блестящих догадок, за исключением прогресса в изучении развития ребенка. Наиболее важной особенностью и одновременно недостатком является то, что психоанализ так и не стал наукой: в его рамках не были разработаны объективные методы проверки смелых идей, сформулированных ранее. В результате психоанализ вошел в XXI в., растеряв значительную часть своего влияния.

В настоящей статье под психоанализом понимается теория, объясняющая сознательное поведение человека бессознательными психическими процессами. Наука — область человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Наука есть вид знания, удовлетворяющий следующим критериям: определенность, доказанность, системность, проверяемость, полезность, рефлексивность, открытость к критике, способность к изменению и улучшению.

Как известно, Фрейд стремился к тому, чтобы сделать психоанализ полноправной наукой в духе XIX в. Наукой, способной устанавливать факты, объяснять их причины и предсказывать хотя бы некоторые следствия. «Скорее всего, мы избавимся от недостатков нашей

теории, — писал он, — если сможем психологические термины заменить физиологическими или химическими... Следует ожидать, что [физиология и химия] представят множество неожиданных фактов, и сегодня мы даже не можем предположить, какие ответы получим через несколько десятков лет на вопросы, поставленные перед этими науками в настоящее время. Эти ответы вполне могут разорвать на мелкие куски нашу искусственную гипотетическую конструкцию» [1].

При этом важно подчеркнуть, что Фрейд создавал психоанализ не только и даже не столько как научную теорию, но прежде всего как особую психотерапевтическую практику, направленную на лечение неврозов. Суть ее в том, чтобы помочь больному при участии аналитика понять причину своей травмы: вспомнить вытесненное событие, осознать его и тем самым устранить или ослабить болезненный симптом. Причем важнейшим моментом создания психоанализа был отказ Фрейда от гипноза. В современной литературе одни авторы видят в этом отказе роковую ошибку Фрейда, другие считают это закономерным шагом на пути познания тайн бессознательного. Несомненно, что для самого Фрейда отказ от гипноза был одним из главных признаков перехода от донаучной психотерапии к научности и объективности. Он считал, что психоанализ с его опорой на свободные ассоциации представляет собой надежную, подотчетную аналитику методику работы с бессознательным. «Коль скоро теоретические гипотезы подтверждаются практическим эффектом лечения, — подчеркивал Фрейд, — психоанализ вполне можно считать наукой без всяких скидок» [2].

Важнейшим выражением научности психоанализа была для Фрейда возможность устанавливать причинные связи в сфере сознания и поведения. Так, детский опыт (в частности, стадия детской сексуальности от двух до пяти лет) определяет, по Фрейду, жизнь взрослого человека; сексуальный опыт — все другие стороны человеческой жизни; прошлые события детерминируют течение настоящих и будущих событий. При этом Фрейд связывает свои представления о научности психоанализа как с возможностями теоретического описания объекта, или, иначе говоря, с описанием топика (места), динамики (способа функционирования) и энергетики (движущих сил) бессознательного, так и с практикой клинической работы, выявляющей причины заболеваний методом свободных ассоциаций. В первом случае (на уровне теории) научность психоанализа выражается в поиске естественных механизмов психики, функционирующих по схеме накопление — разрядка энергии либидо и установлении как можно большего числа непрерывных причинных цепочек в человеческом поведении. Причем звенья, пропущенные на уровне сознания, могут быть восстановлены на уровне бессознательного. Во втором случае,

применительно к клинической практике, речь идет о конструировании особой ситуации психоаналитического лечения — искусственной, чем-то похожей на долгий лабораторный эксперимент. В этой ситуации перенесение психотравмирующих эмоций больного со значимого в прошлом лица (чаще всего родителей) на врача позволяет лучше понять их, заново пережить и освободиться от них.

В соответствии с преобразованиями в сфере теоретических исследований и клинической практики менялись и представления Фрейда о научности психоанализа. Переосмысливалась структура психики, модифицировались топика, возникали новые варианты концепции влечений. Причем общая тенденция изменений прослеживается достаточно ясно. Например, последний вариант концепции влечений, а именно борьбу Эроса и Танатоса (связи и деструкции), сам Фрейд называл уже не наукой, а «нашей мифологией». Ослабевала уверенность в практической эффективности психоанализа как средстве подтверждения его научности. Эйфория 1910-х гг. периода покорения Америки сменились к концу 1930-х гг. сомнениями и даже скепсисом. А параллельно шел еще процесс расширения психоанализа, превращения его в философию и культурологию.

В течение долгого времени главная канва спора о природе психоанализа определялась противостоянием давно сложившихся философских позиций: позитивистской и герменевтической. По сути эта оппозиция восходила к спору объясняющих и понимающих стратегий, описанных неокантианством в науках о природе и науках о духе.

Если воспользоваться критериями научности, предложенными в рамках позитивизма, — критериями верификационизма, то можно обнаружить, что к собственно науке относятся лишь современная физика и еще немногие дисциплины, а психоанализ в их число не попадет. Да и вряд ли с этой точки зрения вообще можно говорить о познании бессознательного, логики сновидений или смысла слов, так как изобретение таких логики и смысла подчиняется прежде всего эстетическим, а не собственно познавательным критериям (такова позиция Людвиг Витгенштейна).

Однако неудачные попытки применить позитивистские критерии к психоаналитическому знанию не отпугивали исследователей. Карл Поппер был поражен тем, с какой легкостью психоаналитическая теория находит себе подтверждения. Причем нередко оказывалось, что ее подтверждают прямо противоположные способы поведения.

Для лучшего понимания рассмотрим лишь один пример. Предположим, что гипотеза психоаналитика заключается в том, что проблемы пациента связаны с присутствием ему неразрешенным эдиповым комплексом. Пациент испытывает бессознательное чувство ненависти к своему отцу. Если пациент относится агрессивно к отцу, то он,

конечно, подтвердит этот диагноз. Но если он демонстрирует к отцу уважение и любовь, то это может быть легко интерпретировано как то, что его вражду к отцу скрывает бессознательный страх. И так, что бы ни делал пациент, гипотеза психоаналитика в любом случае будет подтверждена.

Более того, Поппер считал, что вообще невозможно придумать такой формы поведения, которую нельзя было бы объяснить на основе психоанализа З. Фрейда, исторического материализма и индивидуальной психологии А. Адлера. Как известно, именно эти размышления привели его к формулировке концепции фальсификационизма. Если теорию невозможно опровергнуть каким-либо мыслимым событием, то она ненаучна. Так что неопровержимость — вовсе не достоинство теории, а ее недостаток.

Аргумент Поппера получил широкую поддержку, но психоаналитики, конечно, его отвергали. Например, В. Райх утверждал, что психоанализ является материалистической, диалектической и революционной наукой [3]. На помощь им пришел философ науки Адольф Грюнбаум [4]. Он считал, что психоанализ все же является наукой, хотя и «плохой». Потому что основные его понятия, такие как психический детерминизм, бессознательное, вытеснение, комплексы, влечения, Сверх-Я, не поддаются проверке и опровержению. Тем не менее некоторые утверждения психотерапии можно оспорить, например, предположение Фрейда о том, что паранойя провоцируется вытесненными гомосексуальными желаниями. Об этом писал сам Фрейд в культовой статье «Сообщение о случае паранойи, не согласующемся с психоаналитической теорией» [5].

Автор описывает случай паранойи, который он диагностировал у молодой женщины и обстоятельства которого на первый взгляд не соответствовали принятым в психоаналитической литературе утверждениям об обусловленности паранойи гомосексуальностью. 30-летняя пациентка не имела отношений с мужчинами. У нее сформировался комплекс матери (требования Сверх-Я). Она пыталась защититься от любви к мужчине, непосредственно превратив возлюбленного в преследователя. А в отношении своей матери тоже формировала бред преследования, но в лице пожилой начальницы. В конце концов оба объекта противоположных влечений, мужчина и мать, «устраивали заговор против нее».

Согласно А. Грюнбауму, может быть фальсифицировано даже ядро психоанализа, аргумент соответствия. Терапия эффективна только тогда, когда научная теория, на которой она основана, является истинной [6]. Неопровержимым доказательством в пользу научности психоанализа является его терапевтический успех. Только психоанализ может принести реальное излечение неврозов, поскольку

лишь он находит глубинные желания и мысли, которые совпадают с симптомами. Фрейд утверждал: с помощью других форм терапии возможно добиться только частичного и временного успеха, потому что они не доходят до причины неврозов, принося незначительное облегчение посредством внушения.

Итак, очевидный терапевтический успех жизненно важен для аргумента соответствия, поскольку, если остальные психотерапевтические системы работают по крайней мере так же хорошо, как психоанализ, нет никаких оснований предпочесть его спорные теории более простым теориям. Терапия поведения, например, покоится на простых принципах выработки условных рефлексов, и если будет доказано, что она сопоставима с психоанализом по эффективности лечения, то, согласно принципу бритвы Оккама, с научной точки зрения она окажется предпочтительнее, чем психоанализ.

Следует отметить, что хотя Фрейд и заявлял об одном терапевтическом успехе психоанализа за другим, он приводил удивительно мало данных, подкрепляющих эти заявления. Фрейд детально описал только шесть случаев лечения, одним из которых занимался не он, и лишь два из них считались успешными [7]. Это были случаи человека-крысы и человека-волка. Человек-крыса получил свое прозвище из-за смертельного ужаса перед крысами и фантазий на их счет, а человек-волк — из-за сновидения, в котором фигурировали волки.

Описания обоих случаев, данные Фрейдом, не выдерживают критики. Оба сообщения содержат многочисленные искажения, и ни один из пациентов не выглядит излечившимся. После объявления в печати об успехе с человеком-крысой Фрейд признался К. Юнгу, что на самом деле пациент был весьма далек от выздоровления и, подобно Доре (пациентке Фрейда, о которой он писал во «Фрагменте анализа истерии»), прервал терапию. Случай с человеком-волком известен лучше, поскольку Сергей Панкеев, русский помещик, юрист и публицист, пережил Фрейда на много лет и уже в конце жизни поведал свою историю журналистам. Панкеев бесплатно продолжал проходить психоанализ после смерти Фрейда. Он рассказал репортеру, что написал мемуары о своем случае по указанию одного из последующих своих аналитиков, «чтобы продемонстрировать миру, как Фрейд излечил серьезно больного человека», но «все это было ложью» [8]. Он чувствовал себя точно таким же больным, как и тогда, когда пришел к Фрейду. С. Фишер и Р. Гринберг, авторы работы, признающей психоанализ наукой, все же пришли к выводу о том, что собственная терапевтическая работа Фрейда практически не принесла успешных результатов [9].

Как следствие, некоторые приверженцы психоанализа пытаются решить дилемму, заявляя, что психоанализ не наука, а средство ин-

терпретации. Герменевтическая версия психоанализа, предложенная Ж. Лаканом и П. Рикером, утверждает, что занятия психоанализом напоминают скорее работу литературного критика, чем науку. Литературный критик внимательно читает текст, чтобы разгадать его смысл, который может быть скрыт даже от самого автора. Аналогично психоаналитик, работающий с пациентом, внимательно читает текст его жизни, пытаясь воссоздать то скрытое значение, которое он в себе несет. Согласно такой версии психоанализа, цель терапии — получить истолкование, с которым пациент согласился бы и которое можно было бы сделать основой для более полноценной жизни. Герменевтика изначально была искусством истолкования Библии, и герменевтический психоанализ в каком-то смысле является возвращением к средневековой концепции мира как книги, содержащей смыслы, которые следует расшифровать, а не причины, которые надлежит открыть.

Применимость герменевтического психоанализа весьма спорна. Главное возражение против него заключается в том, что сам Фрейд настаивал на научности психоанализа, даже если в настоящее время его концепция науки и устарела. Но все же в чем-то правы экзистенциалисты и герменевты, упрекающие психоанализ в «сциентистском самонепонимании» (Ю. Хабермас). Возможно, ненаучность психоанализа является не недостатком, а, напротив, его сильной чертой. Вероятно, необходимо признать, что применительно к психоаналитическим феноменам важны не законы и причины, а мотивы и мысли, запечатленные в рассказе (нарративе) больного. Психоанализ значим именно как эмансипирующая, освобождающая практика, которая постепенно меняет речь человека, его психику, его взгляд на самого себя. Парадоксально освобождающим оказывается постижение человеком своей трагической участи, конфликтности человеческого существования, неизбежности страданий, которые доставляют человеку его тело, мир, другой человек. Так, психоанализ напоминает человеку девиз царя Эдипа в трагедии Софокла — «страдая, постигай».

Интересна точка зрения Н.С. Автономовой, высказанная в книге «Познание и перевод. Опыты философии языка» [10]. Она считает, что концепция основателя психоанализа Зигмунда Фрейда может быть представлена как концепция общения, «поддерживаемого практиками перевода, но постоянно сталкивающегося с непереводаемым» [10]. Действительно, полем, на котором разворачивается исследование, происходит проработка и снятие симптомов в ходе психоаналитического курса, выступает общение двух людей — врача и пациента. Иначе говоря, патогенное общение, например травматическая семейная ситуация, пережитая в детстве, повторяется. И она подвергается

переработке в терминах другого, уже искусственного общения врача и пациента. Таким образом, спровоцированная психическими травмами неспособность к общению (например, наличие стойких нарцисстических схем отношения к миру и другим людям) сменяется возможностью вновь пережить и вспомнить конфликт, а тем самым освободиться от него.

Н.С. Автономова полагает, что психоаналитическая практика есть особая разновидность общения, обладающая специфическим эпистемологическим и психотерапевтическим смыслом, средство, которое можно охарактеризовать как лечение подобного подобным — общения общением.

Автор настоящей статьи согласен с теми, кто полагает, что современный психоанализ может преодолеть кризис, вернуть свое былое интеллектуальное влияние, открыть в себе внутренние энергетические резервы. Надо развивать более тесную связь с биологией вообще и с когнитивными нейронауками (нейропсихологией, нейробиологией) в частности [11, 12].

Напомним, что когнитивная нейробиология — наука, изучающая связь активности головного мозга и других сторон нервной системы с познавательными процессами и поведением. А нейропсихология рассматривает когнитивные, т. е. познавательные процессы человеческой психики. Исследования в этой области обычно связаны с вопросами памяти, внимания, чувств, представления информации, логического мышления, воображения, способности к принятию решений.

Более тесные связи между психоанализом и когнитивными нейронауками позволят достичь двух важных для психоанализа целей: концептуальной и экспериментальной. С концептуальной точки зрения когнитивные нейронауки могут предложить новую основу для развития психоанализа, основу, которая, возможно, будет более адекватна, чем метапсихология Фрейда. Потенциальным вкладом биологии может стать переписывание метапсихологии на научной основе. На такую возможность указывал сам Фрейд: «Мы должны помнить, что все наши психологические гипотезы в один прекрасный день должны будут получить органическую базу» [13]. С экспериментальной точки зрения биологические концепции послужат стимулом для исследований и проверки предположений, касающихся особенностей работы психики.

За последние годы биология достигла значительных успехов, и темп прогресса не снижается. По мере того как психика все больше привлекает внимание биологов, им становится понятно, что этот объект исследования для XXI в. станет тем же, чем гены были для XX в. Современная биология сможет углубить понимание психических процессов, определить биологическую основу различных бессозна-

тельных психических процессов и психического детерминизма, роль бессознательных процессов в психопатологии и терапевтической эффективности психоанализа.

В настоящей статье рассмотрим лишь один, основной постулат психоанализа: существование бессознательных психических процессов. Человек не осознает большей части своей психической жизни. Много из того, что он переживает, чувствует, о чем думает, что видит в сновидениях или фантазиях, не осознается, не может быть выражено вербально. Точно так же люди часто не могут объяснить мотивы своих поступков. Идея бессознательных психических процессов важна не только сама по себе. Она имеет принципиальное значение для понимания природы психического детерминизма. Если признать ведущую роль бессознательных психических процессов в жизни человека, то какое знание о них дает биология?

В 1954 г. Б. Милнер сделала важное открытие, основанное на исследовании пациента Н., страдавшего амнезией [14]. Оказалось, что средняя извилина височной доли и гиппокамп (морской конек) являются центрами того, что сегодня называют хранилищем декларативной (эксплицитной) памяти: сознательных воспоминаний о людях, объектах, событиях, различных местах. Позднее она сделала еще одно важное наблюдение. Хотя у Н. и не появлялось сознательных новых воспоминаний о людях, местах и объектах, он тем не менее сохранил способность к усвоению новых навыков восприятия и поведения. Эти воспоминания в настоящее время называют процедурной (имплицитной), или когнитивной, памятью. Они абсолютно бессознательны и проявляются исключительно в действиях, а не на уровне сознания.

Совместное использование обеих систем памяти является скорее правилом, чем исключением. Обе системы взаимно пересекаются и часто используются человеком одновременно, поэтому значительная часть процесса научения задействует и ту, и другую память. Многократное повторение может трансформировать декларативную память в процедурную. Например, обучение вождению на первых порах задействует сознательное запоминание, но в скором времени вождение становится автоматическим и неосознаваемым двигательным навыком. Сама по себе процедурная память является совокупностью процессов, связанных с активностью нескольких систем мозга: прайминг, или распознавание недавно усвоенных раздражителей (функция сенсорной коры), распознавание различных эмоциональных состояний (миндалины), формирование новых двигательных и, возможно, когнитивных навыков (неостриатум), усвоение нового двигательного поведения или координирования действий (зависит от мозжечка).

Таким образом, процедурная, или когнитивная, память представляет собой один из компонентов бессознательной психической жизни

человека. Как это биологическое бессознательное связано с бессознательным Фрейда? В поздних работах Фрейд использовал термин «бессознательное» в трех значениях. Во-первых, он употреблял это понятие в значении вытесненное или динамическое бессознательное. Сюда относятся влечения, комплексы Эдипа и Электры и вообще все мысли и чувства, неприятные сознательному «Я» человека. Во-вторых, Фрейд предполагал, что бессознательным является значительная часть сознательного «Я» человека. Она также недоступна для сознания, несмотря на отсутствие вытеснения, влечений или комплексов. Эта часть бессознательного содержит различные привычки, навыки восприятия и движения. Она легко проецируется на процедурную память. Поэтому ее можно назвать процедурным бессознательным. В-третьих, Фрейд употреблял термин «бессознательное» в широком смысле — предсознательное бессознательное — для описания психических явлений, которые удалены из сознания, но потенциально могут быть осознаны.

Из трех перечисленных бессознательных психических процессов только процедурное бессознательное (бессознательная часть «Я», лишенная конфликтов и не подвергающаяся вытеснению) совпадает с тем, что в нейронауках называют процедурной, или когнитивной, памятью. Впервые на эту взаимосвязь между когнитивными нейронауками и психоанализом указал Роберт Клайман [15].

Итак, автор надеется, что успехи современной биологии возродят интерес ученых к психоанализу. Как показано в статье, даже метапсихологические гипотезы Фрейда поддаются проверке. Поэтому о ненаучности психоанализа вряд ли стоит говорить. Уже в ближайшем будущем объединение нейробиологии, когнитивной психологии и психоанализа даст удивительные результаты и расширит знания о психике человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Freud S. Beyond the pleasure principle. In: *Complete Psychological Works*. Vol. 18. London, Hogarth Press, 1955, pp. 7–64.
- [2] Gay P. *Freud: a life for our time*. New York, W.W. Norton & Co., 1988, p. 796.
- [3] Мокшанцев Л.В. Синтез Фрейда и Маркса: первые фрейд-марксисты. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 9. DOI: 10.18698/2306-8477-2014-9-205
- [4] Grunbaum A. *The foundations of psychoanalysis: a philosophical critique*. Berkeley, Univ. Calif. Press, 1984, 310 p.
- [5] Фрейд З. Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории. *Навязчивость, паранойя и перверсия*. Москва, ООО «Фирма СТД», 2006, с. 205–216.
- [6] Фрейд З. *Введение в психоанализ: лекции (1916–1917/1989)*. Москва, Наука, 1989, с. 154–297.

- [7] Sulloway F. *Freud, biologist of the mind: Beyond the psychoanalytic legend*. New York, Basic Books, 1979, p. 275.
- [8] Лихи Т. *История современной психологии*. Санкт-Петербург, Питер, 2003, 446 с.
- [9] Fisher S., Greenberg R.P. *The scientific credibility of Freud's theories and therapy*. New York, Harvester Press, Basic Books, 1977, pp. 64–71.
- [10] Автономова Н.С. *Познание и перевод. Опыты философии языка*. Москва, РОССПЭН, 2008, с. 325–326.
- [11] Kandel E.R. Биология и будущее психоанализа: новый взгляд на концептуальную базу для психиатрии. *Обзор современной психиатрии*, 2000, вып. 6, с. 6.
- [12] Kandel E.R. A new intellectual frame work for psychiatry. *American Journal of Psychiatry*, 1998, vol. 155, no. 4, pp. 457–469.
- [13] Freud S. On narcissism: an introduction. In: *Complete Psychological Work*. Vol. 14. London, Hogarth Press, 1957, pp. 67–102.
- [14] Milner B., Scoville W.B. Loss of recent memory after bilateral hippocampus lesions. *Journal Neural Neurosurgery Psychiatry*, 1957, vol. 20, pp. 11–21.
- [15] Clyman R. The procedural organization of emotion: a contribution from cognitive science to the psychoanalytic therapy of therapeutic action. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1991, vol. 39, pp. 349–382.

Статья поступила в редакцию 08.10.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Мокшанцев Л.В. Психоанализ и наука. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 10.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-10-564>

Мокшанцев Леонид Васильевич — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: mokshancevaelena@mail.ru

Psychoanalysis and science

© L.V. Mokshantsev

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper focuses on the problem of relation between psychoanalysis and science. The study shows that if we take advantage of the scientific criteria proposed in the framework of positivism, then we find that only modern physics and several other disciplines could be treated as the scientific ones. According to the criteria mentioned, psychoanalysis could not be considered a science. However, the using of blurry standards makes it possible to call anything a science, including psychoanalysis — a specific way of reality construction. The study stresses that in the nearest future the merge of psychoanalysis, neurobiology and cognitive psychology will result in the development of knowledge in the sphere of human mind.

Keywords: *psychoanalysis, science, therapeutic success, hermeneutics, communication, procedural memory, neurobiology, cognitive psychology*

REFERENCES

- [1] Freud S. Beyond the pleasure principle. *Complete Psychological Works*. Vol. 18. London, Hogarth Press, 1955, pp. 7–64.
- [2] Gay P. *Freud: a life for our time*. New York, W.W. Norton & Co., 1988, p. 796.
- [3] Mokshantsev L.V. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2014, no. 9. DOI: 10.18698/2306-8477-2014-9-205
- [4] Grunbaum A. *The foundations of psychoanalysis: a philosophical critique*. Berkeley, Univ. Calif. Press, 1984, 310 p.
- [5] Freud S. *Soobschenie ob odnom sluchae paranoi, protivorechashchem psikhooanaliticheskoy teorii. Navyazchivost, paranoya i perversiya* [Report on one case of paranoia, contrary to psychoanalytic theory. Obsession, paranoia and perversion], Moscow, LLC «Firma STD» Publ., 2006. pp. 205–216. [In Russ.].
- [6] Freud S. *Introduction to Psychoanalysis: Lectures (1916–1917/1989)* [Vvedenie v psikhooanaliz: lektzii (1916–1917/1989)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 154–297. [In Russ.].
- [7] Sulloway F. *Freud, biologist of the mind: Beyond the psychoanalytic legend*. New York, Basic Books, 1979, 275 p.
- [8] Leahey T.H. *A History of Modern Psychology*. Prentice Hall PTR, 2000, 422 p. [In Russ.: [8] Leahey T.H. *Istoriya sovremennoy psikhologii*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003, 446 p.].
- [9] Fisher S., Greenberg R.P. *The scientific credibility of Freud's theories and therapy*. New York, Harvester Press, Basic Books, 1977, pp. 64–71.
- [10] Avtonomova N.C. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka*. [Cognition and translation. Tests of the philosophy of language]. Moscow, the Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2008, pp. 325–326.
- [11] Kandel E.R. *Obzor sovremennoy psikhiiatrii (Review of modern psychiatry)*, 2000, no. 6, p. 6.
- [12] Kandel E.R. *American Journal of Psychiatry*, 1998, vol. 155, no. 4, pp. 477–469.
- [13] Freud S. On narcissism: an introduction. *Complete Psychological Work*. Vol. 14. London, Hogarth Press, 1957, pp. 67–102.

- [14] Milner B., Scoville W.B. Loss of recent memory after bilateral hippocampus lesions. *Journal Neural Neurosurgery Psychiatry*, 1957, vol. 20, pp. 11–21.
- [15] Clyman R. The procedural organization of emotion: a contribution from cognitive science to the psychoanalytic therapy of therapeutic action. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1991, vol. 39, pp. 349–382.

Mokshantsev L.V., Cand. Sc. (Philosophy), Assoc. Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: mokshancevaelena@mail.ru